

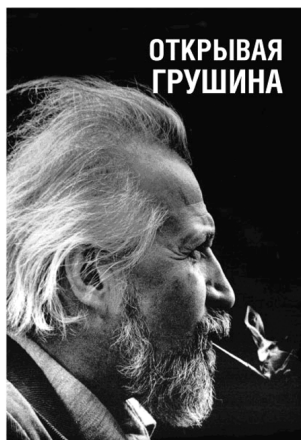
Борис Грушин: начало постбиографии

Борис Докторов
независимый исследователь

Для меня биография - это совокупность всех действий и мыслей человека, приходящихся на годы его жизни. Все, что происходит после этого, - дальнейшее движение истории, развитие сферы деятельности, в которой человек работал, и прочее - не в силах изменить траекторию его жизни и окружавшее его некогда социокультурное пространство. Ибо все это уже произошло, состоялось, ушло. Но время придает прожитой человеком жизни новый смысл, детерминирует, проявляет его судьбу. Судьба - это комплекс всего, что предопределяет биографию человека (предбиография), наполняет его жизнь (собственно биография) и связано с ним после ее завершения (постбиография). У биографии есть начало и конец, судьба же теоретически бесконечна, точнее сказать - судьба обычно дольше, продолжительнее жизни. Судьба - многомернее биографии.

Предбиографию человек не выбирает, она дается ему при рождении. В некоторых обществах, культурах предбиографии предается огромное значение, ребенка специально вводят в мир его предков, учат его знать и уважать их. Видеть себя их продолжением. Биография - эта та часть судьбы, которая в наибольшей степени определяется поведением человека в заданном ему историей социальном пространстве-времени и в том микромире, который он создает сам. Постбиография человека, естественно, не свободна от предбиографии и собственно биографии, но, вместе с тем, она во многом образуется теми, кто знал этого человека и кто находит сделанное им важным для себя и значимым для других. И еще: постбиография - функция времени, наступающего после смерти человека. Короче, - это очень сложное образование.

Только что увидевший свет сборник "Открывая Грушина"

можно с полным основанием назвать началом постбиографии Бориса Андреевича Грушина. Думаю, что с этим утверждением согласятся и те, чьи воспоминания о Грушине включены в этот сборник, и те, кто знал его, но пока не имел возможности рассказать о нем, и те, кто через эту книгу познакомится с ним. С одной стороны, "Открывая Грушина" - это первая попытка дать многомерное описание жизни и творчества Грушина. С другой, уже в самом названии книги и в заголовках ее основных разделов ("Вспоминая Грушина", "Осмысляя Грушина", "Перечитывая Грушина") обозначена процессуальность погружения в его биографию и в его научное наследие. Сделанное - первый

шаг. Но одновременно это и толчок к продолжению движения.

Главные достоинства сборника определены составом авторов, включенных в него воспоминаний. Это люди, десятилетиями знавшие Грушина и дружившие с ним в школе, университете, его коллеги, студенты, аспиранты. Уверен, что уважение авторов к Грушину и знание ими его резко негативного отношения к неискренности, лести позволяет с полным доверием относиться к их рассказам. Это крайне важно и для воссоздания биографии Грушина и для формирования его постбиографии.

Прежде всего Грушин предстает в сборнике как социолог, изучавший общественное мнение, общественное сознание и средства массовой информации. Показан он и как методолог, глубоко понимавший теоретико-эмпирическую природу нашей науки. Обычно подчеркивается первопроходческая роль Грушина в освоении в СССР "жесткой" технологии опросов населения. Это исторически верно. Одновременно, "Открывая Грушина" позволяет говорить о нем и как об одном из пионеров в области работы с "мягкими" методами.

Укажу еще одну нарождающуюся область российской социологии, которой - в ее рафинированном виде - не может существовать ни в одной стране, и в освоении которой следует признать первенство Грушина. В ряде воспоминаний отмечается гражданское подвижничество Грушина, взвалившего на себя "Четыре жизни России". Но здесь следует сказать и то, что он взялся за решение сложнейшей методологической и историко-социологической задачи - интерпретации собранных им за многие годы данных в парадигме, отличной от той, на базе которой она собиралась. Информацию, собранную в эпохи заката оттепели, ряда стадий застоя, перестройки и становления ельцинской России, ему предстояло трактовать в координатах более поздних социальных преобразований и социологических концепций. Продолжительное прошлое и короткое настоящее разделялись тем, что Грушин называл "социотрясением". Менялся мир социальных отношений, менялось сознание населения, менялось понимание им природы общественного мнения.

Мне не кажется, что лишь годы и стремление понять, что же было сделано, подтолкнули Грушина к начатому им анализу. Ламинарное, гладкое застойное движение прошлых лет не способно было бы даже подтолкнуть исследователя к перепроцессу давно собранной информации. В крайнем случае, если бы это все же произошло, то новая интерпретация была бы лишь детализацией и некоторым обобщением прежней картины. Наоборот, турбулентность, вихреобразность - спутники социотрясения, - скачкообразность развития всех социальных институтов, появление кардинальных разломов в массовом сознании россиян, ослабление памяти населения, потеря им привычных социальных ориентиров и невозможность отыскания новых маршрутов движения постоянно требовали от всех серьезных социологов, в том числе и от Грушина, историчности в рассмотрении объекта и предмета их анализа. Грушин стал первым, кто осознал и принял этот вызов. Никто, более чем он, не был готов этому. Путь к "Четырем жизням России" продолжался у Грушина около сорока лет. Напомню, еще в 1958 году, с третьей попытки, он защитил кандидатскую диссертацию по теме: "Приемы и способы воспроизведения в мышлении исторических процессов развития". То движение

¹ Открывая Грушина / Ред.-сост. М.Е. Аникина, В.М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. 2010.

начинал не Грушин-социолог или журналист, но Грушин - философ-диалектик.

Пять лет лет назад, т.е. еще при жизни Грушина, я назвал метод восстановления прошлого, разрабатывавшийся им, "голографическим". Я говорил ему, и он соглашался с тем, что ему удалось плоское в прошлом изображение массового восприятия существовавшего тогда мира социальных отношений сделать объемным. И он смог описать те свойства сфотографированной им много лет назад реальности, которые не обнаруживались в их плоскостной, двумерной проекции.

Однако мы имеем право говорить о большем. В действительности заслуга Грушина в том, что он "прописал" исследование общественного мнения в структуре социологии, что, вообще говоря, не является традиционным для департаментализации множества социальных наук. Скажем, в США опросы общественного мнения это самостоятельная аналитическая деятельность, опирающаяся прежде всего на концепции и методы социальной психологии (изучение установок) и по своим исследовательским задачам близкая к политологии. При этом, после более семи десятилетий регулярного изучения общественного мнения американцев и признания "рациональности" мнений, суждений населения, материалы опросов стали составной частью истории, социологии, культурологии и политологии, т.е. составной частью академической науки.

Абсолютно верно и то, что в рассматриваемой книге Грушин признается своим не только философами и социологами, но и журналистами. Ярче всего это видно в том факте, что именно факультет журналистики МГУ организовал "Грушинские чтения на Моховой", и сотрудниками факультета был подготовлен рассматриваемый сборник. Но не только работа Грушина в "Комсомольской правде", его многолетнее преподавание на факультете журналистики, программа его "Таганрогского проекта" свидетельствуют о том, что журналистика была для Грушина больше, чем одно из направлений его профессиональной деятельности. Он был журналистом по темпераменту, он был таковым в его стремлении довести результаты опросов до общества, населения. Осмысляя Грушина, мы должны будем понять, что видение Грушиным социальных процессов было бифокальным: социологическим и журналистским. Кстати замечу, что в США в середине 30-х опросы общественного мнения рассматривались как метод журналистики. Их результаты были одновременно и инструментом борьбы за читательскую аудиторию (т.е. бизнес - интерес), и способом укрепить в глазах общества представление о себе как о властном институте. Грушин прекрасно понимал, что лишь тот путь организации опросов, по которому он пошел, работая в Комсомольской правде", позволял обеспечить общественному мнению (конечно, не в СССР) более полное исполнение функций, присущих Vox Populi. Я имею в виду проведение опросов в интересах и при финансировании средствами массовой информации.

В этом кратком и обобщенном анализе материалов сборника я осознанно ухожу от перечисления фамилий авторов, поделившихся с будущими читателями сборника своими воспоминаниями о Грушине. Во-первых, каждый материал уникален, во-вторых, высказанное каждым следует рассматривать, как теперь говорят, в рамках единого дискурса. И важнейшей чертой этого общего является, по-сути присутствующее во всех текстах признание глубокой погруженности Грушина в смежную культуру его времени. Одни обнаруживают это в его профессиональном знании анекдотов, которые он любил и блистательно рассказывал, другие - в его исследовании пражского пивного фольклора, третьи - в его повседневной речи, четвертые - в афористичности его лекций и публицистики. Да и вообще, чтобы увидеть эту особенность личности Грушина, не нужно листать всю книгу, достаточно прочесть его "Цитаты из жизни", которыми открывается сборник. Из сказанного вытекает один урок: в воспоминаниях о Грушине не должно быть патетики, он понимал свое предназначение, но смотрел на себя с иронией интеллигентного человека.

А вообще, суммируя содержание книги, отражающей многое из написанного о Грушине при его жизни и после его смерти, перечитывая его книги, вспоминая его рассказ о задумывавшейся им оригинальной по строению книге мемуаров, зная о дневниках, записях личного характера, которые он вел долгие годы, помня о его уникальном личном и научном архиве, я хотел бы сделать два вывода. Первый, мы мало знаем Грушина. И второй, прожитое и сделанное им заслуживает специального анализа. Мы стесняемся признавать наших современников выдающимися учеными, полагая это нескромным и считая, что только время покажет значение наследия того или иного исследователя. Мне не кажется это верным, более того, я вижу некую ущербность подобного подхода к оценке жизнедеятельности современных ученых. В нем есть что-то надуманное, проистекающее из недооценки роли личности в историческом процессе, есть признак недооценки способности самого научного сообщества определить своих лидеров. Рынок в познании истории постхрущевской советской/российской социологии, сделанный во второй половине 1990-х, дал многое. Но накопленный потенциал движения в силу ряда обстоятельств быстро разрядился, и исследования в этой области почти остановились.

Мне представляется, что новый виток исторических поисков будет связан с активным изучением жизни и творчества социологов первого поколения, со стремлением понять действие тех социальных пружин, которые привели, буквально горстку молодых философов, историков, экономистов в незнакомую им социологию. Появление книги "Осмысляя Грушина" - это индикатор указанного процесса. Ведь, осмысляя Грушина, мы сможем многое открыть не только в его творчестве, но в истории нашей науки.